

А. В. Давыдова

Орнитоморфные образы как элемент художественной картины мира в произведениях северного текста русской литературы для детей

В статье впервые определяется значение орнитоморфных образов в художественной картине мира произведений о Севере для детей. Задачи исследования – изучение смысловых и поэтических характеристик образов птиц, определение их взаимосвязей с другими элементами художественного мира северного текста русской литературы для детей, представление опыта типологии орнитоморфных образов на основе анализа текстов Г. П. Аксенова, Н. П. Аурова, С. К. Безбородова, В. П. Бороздина, О. С. Бундура и других авторов. В исследовании применяются элементы методов хронопоэтического, мотивного, мифопоэтического, системно-семантического анализа, что отвечает самобытной природе локального сверхтекста. Установлено, что орнитоморфные образы птиц часто имеют в произведениях мифопоэтическую природу, которая тесно связана не только с архетипической основой, но и с определенным пространством. В рассмотренном корпусе текстов по геопоэтическому принципу выделяются образы птиц, связанные с пространством леса, тундрой, озерами, птичьими базарами на арктических островах и водной стихией – морем и рекой. Орнитоморфные образы актуализируют мотивы богатства, биоразнообразия и красоты природы Севера.

Ключевые слова: северный текст, детская литература, орнитоморфные образы, художественная картина мира.

Для цитирования: Давыдова А. В. Орнитоморфные образы как элемент художественной картины мира в произведениях северного текста русской литературы для детей // Art Logos (искусство слова). – 2025. – № 1. – С. 62–83. DOI: 10.35231/25419803_2025_1_62. EDN: SUOKCG

В последние годы актуальным для отечественной филологической науки является изучение локальных сверхтекстов. Современные исследователи, опираясь на труды Н. П. Анциферова, В. Н. Топорова, Ю. М. Лотмана, Н. Е. Меднис и других, обращаются к различным аспектам этой проблемы. С одной стороны, ученых интересуют общие закономерности моделирования сверхтекстов и их сущность. Так, А. Г. Лошаков в статье «Сверхтекст: проблема целостности, принци-

пы моделирования» дает такое определение феномена: «... ряд отмеченных направленной ассоциативно-смысловой общностью (в сферах автора, кода, контекста или адресата) автономных словесных текстов, которые в лингвокультурной практике актуально или потенциально предстают в качестве целостного, интегративного, диссипативного словесно-концептуального образования. Сверхтекст, таким образом, может квалифицироваться как составляющая ахронического лингвокультурного пространства, национальной текстовой концептосферы» [16, с. 102]. Размышления исследователя высоко оценены в статье С. О. Курьянова, Н. П. Ивановой и В. В. Курьяновой «Актуальные вопросы теории сверхтекста: литературоведческий аспект. Ассоциативно-смысловой сверхтекст», где авторы поднимают вопросы о «разграничении понятий ассоциативно-смыслового сверхтекста и текстового единства», предлагают типологию ассоциативно-смысловых сверхтекстов «по типу референта» [12, с. 125].

Среди общетеоретических исследований особо выделяются те, что касаются специфики функционирования локальных сверхтекстов, их места в историко-культурном процессе. И. О. Приходченко рассматривает провинциальный текст как особую разновидность локального текста. Думается, справедливы мысли исследовательницы о том, что локальный сверхтекст как смысловое поле образов и мотивов, «представительных для определенного локуса», имеет «центр» и «периферию» и является «потенциально открытым для пополнения» [24, с. 39]. Значимы и работы, осмысляющие локальные сверхтексты в аспекте регионалистики. Так, Л. М. Гаврилина рассматривает региональные сверхтексты «в качестве своеобразных опор национального семиозиса, которые акцентируют его важные смысловые точки, одновременно фиксируя его внешние границы» [7, с. 43]. Эту мысль подтверждают слова целого ряда других ученых, например, А. П. Люсый пишет о том, что в отечественной культуре «каждый региональный текст представляет собой не какую-то сугубо региональную точку зрения, а попытку концептуального "выворачивания" всей России через себя»¹.

¹ Люсый А. П. Крымский текст русской литературы: история и современность // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. Вып. 11 (760). С. 162. Электронный ресурс. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krymskiy-tekst-russkoy-literatury-istoriya-i-sovremennost/viewer> (дата обращения: 01.10.24).

Другой группой научных работ являются труды, в основе которых попытки смоделировать структуру локальных свертхтекстов на основании различных критериев. Так, Л. М. Гаврилина вводит понятие архитектоники «как выражения внутреннего конструктивного единства локального свертхтекста» [6, с. 104] и рассматривает бинарный, ставший уже традиционным для понимания природы свертхтекста, принцип, «формирующий антитетическую напряженность ценностно-смыслового ядра текста» [6, с. 104]. Однако есть и другие подходы. Например, О. С. Шурупова, не отвергая бинарность, в качестве системообразующих в локальных свертхтекстах выделяет также принципы тернарности и единства¹, которые рассматривает на примерах московского и венецианского текстов. Н. Н. Старыгина предлагает выделять локальные, именные и событийные авторские тексты, формирующие соответствующие свертхтексты русской литературы [26].

Особое внимание хотелось бы обратить на диссертационное исследование А. П. Люсого «Русская литература как система локальных текстов»², который в качестве принципа выделения свертхтекстов предлагает способность того или иного региона породить свой образ в литературе. Наряду со столичными городскими петербургским и московским текстами исследователь выделяет провинциальные и региональные и предлагает методологию создания смыслообразующих литературных карт России. Идеи А. П. Люсого развивает Д. В. Ларкович в статье «Локальные свертхтексты на литературной карте России» [13] на материале сибирского, уральского и югорского текстов. Исследователь делает попытки обоснования последнего, выделяя такие его черты, как «идеологическая вариативность и внутренняя противоречивость», обусловленные «его полиэтнической и поликультурной природой» [13, с. 40].

Среди этой группы работ отечественных ученых нам особенно интересны труды исследователей, рассматривающих свертхтексты, отражающие геопоэтику Сибири, поскольку зачастую художественное осмысление этого пространства имеет

¹ Шурупова О. С. Основные принципы строения концептосферы городского текста // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 15. С. 1051–1055. Электронный ресурс. URL: <https://e-koncept.ru/2016/96127.htm> (дата обращения: 06.11.2024). EDN: VVENOR

² Люсий А. П. Русская литература как система локальных текстов: дис. ... д-ра филол. наук. Вологда, 2017. 341 с.

много общего с представлениями, сложившимися в литературе о Русском Севере. Широко исследуется сибирский текст в работах Т. А. Богумил, А. С. Янушкевича, А. А. Ревякиной, В. И. Тюпы. Последний, например, не давая однозначного определения сибирскому тексту, отмечает его устойчивые мифопоэтические черты на материале классической русской литературы [27, с. 27].

Близость сибирского и северного текстов подчеркивается в науке и терминологически. Так, Ж. В. Бурцева предлагает ввести в научный оборот понятие «Северный текст литературы Якутии» [4, с. 53], «семантическим ядром которого является литература малочисленных народов Севера Якутии (юкагирская, эвенская, эвенкийская, долганская), а также та часть произведений якутских и иных авторов, в которых отражена ценностная сущность образа Севера как географического места» [4, с. 53]. Последняя часть формулировки исследовательницы не выглядит убедительной, поскольку опирается на нечетко определенные границы Крайнего Севера. Обосновывая уникальность северного текста литературы Якутии, автор подчеркивает, что «он формируется вокруг реального локуса и самодостаточного культурного мифа о Крайнем Севере в различных контекстах, который рассматривается нами как интерпретирующий культурный код, ядро сверхтекста и внехудожественная реальность Северного текста» [4, с. 53]. Думается, сводить художественные представления о северном тексте только к образу Крайнего Севера было бы неверным, о чем убедительно пишет Е. Ш. Галимова, определяя границы северного текста русской литературы, особой частью которого является и арктический субтекст: «Под Русским Севером понимается прежде всего территория Архангельской и Вологодской областей, бассейны рек, текущих в Белое море <...>. Эта территория – центр гораздо более обширного пространства <...> Русский Север, северорусская историко-культурная зона – это вся обширная территория к Северу от водораздела Волга – Северная Двина до берегов Ледовитого океана и от границ с Финляндией до Уральских гор» [8, с. 22].

Труды Е. Ш. Галимовой занимают важное место в области литературоведческой науки, посвященной исследованию северного текста русской литературы. Она формулирует определение северного текста как локального сверхтекста [8, с. 21].

Среди его специфических черт как определяющую исследовательница выделяет мифопоэтический характер. Подобный подход разделяет и О. В. Пospelова, которая рассматривает «емкий, амбивалентный, обладающий особой мифопоэтической символикой» [23, с. 131] образ белой ночи в произведениях М. Пришвина, В. Ремизова и Е. Замятина. Близки мысли Е. Ш. Галимовой другим исследователям. В. Н. Матонин изучает мифологические «концептуальные основы антропологии движения» в северном тексте, «основанные на идеях перехода и Преображения» [18, с. 221]. О том, что «Русский Север предстает как мифологическое пространство, в котором человек выступает как культурный герой мифа» [19, с. 420], пишет А. А. Митрофанова. К мифопоэтическому характеру образа Севера выходит при анализе топонимов и гидронимов в поэтическом северном тексте А. В. Петров [21]. «Мифологизм» как один «из пространственных аспектов» «многопланового лингвокультурного концепта “Русский Север”», соотносённость с которым является «главным признаком» северного текста, отмечает А. Г. Лошаков [15, с. 48].

Подходы к определению структуры северного текста как регионального сверхтекста, на наш взгляд, могут быть различны. Помимо геопоэтического принципа, который предполагает выделение в структуре северного текста более частных местных субтекстов (печорского, мезенского, арктического, архангелогородского и др.), подобное разделение может проводиться и на другом основании в контексте расширенного понимания художественной природы сверхтекста. Научная новизна работы состоит в том, что мы предлагаем наряду с субтекстом для взрослых читателей выделять субтекст северного текста русской литературы, ориентированный на читателя до 18 лет. Он, на наш взгляд, будет обладать всеми формально-содержательными характеристиками «материнского» текста, а также иметь ряд специфических особенностей, связанных с читательским адресом. Художественная картина мира, складывающаяся в произведениях северного текста русской литературы для детей, требует тщательного изучения и состоит из различных образных и мотивных элементов, формирующих в итоге самобытный образ Русского Севера. Одним из таких частных

элементов является образ птицы, рассмотрение которого является целью данной работы.

Задачи статьи – выявление семантической и формально-художественной специфики орнитоморфных образов в произведениях о Севере для детей, определение их места в художественной картине мира текстов, изучение их взаимосвязи с художественным пространством произведений. Гипотеза исследования строится на предположении автора о том, что орнитоморфный код в северном тексте русской литературы для детей тесно связан с художественным пространством и помогает раскрыть в локальном сверткесте его особенности через систему устойчивых мотивов.

Материалы и методы

Материалом исследования являются рассказы В. П. Бороздина «Краснозобая птица» (1986), А. И. Мошковского «Ночные крики лебедей» (1959), «Ученик пастуха» (1959), И. Д. Полуянова «Певучий мостик» (1966); роман Н. П. Аузова «Под полуночным солнцем» (1936); повести Г. П. Аксенова «Бажоний» (1995), С. К. Безбородова «На краю света» (1937), О. С. Бундура «Заповедный кордон» (2017), Н. А. Вурдова «Робинзоны студеного острова» (1978), Н. К. Жернакова «Поморские ветры» (1964), Е. С. Коквина «Полярная гвоздика» (1976), Ю. И. Коринца «В белую ночь у костра» (1973), А. С. Коткина «Заповедное озеро» (1977), В. С. Пикуля «Мальчики с бантиками» (1974), М. Е. Скороходова «Дым над островом» (1965), В. Д. Федорова «Летающие к Северу» (1979), В. Г. Фролова «В двух шагах от войны» (1986).

Методология изучения северного текста русской литературы только начинает складываться в современной науке. По мнению Е. Ш. Галимовой, характеризуя региональный текст, исследователь в первую очередь должен быть сосредоточен на выявлении специфики запечатленной в нем художественной картины мира, включающей «совокупность ландшафтных характеристик, образов природы, человека, его места в мире, общие категории пространства, времени, движения, а также особый склад мышления. Отражая своеобразие менталитета населения (края, провинции, территории), она оказывается связанной, с одной стороны, с индивидуально-авторским, субъективно-личностным образом мира (возникающим в твор-

честве отдельных писателей, как уроженцев этого края, так и «осваивающих» его как «чужую» территорию), а с другой – с общенациональной картиной мира, а ее воссоздание является одной из наиболее важных задач при исследовании феномена каждого регионального сверттекста» [9, с. 6]. Художественная природа северного текста диктует системный подход к его изучению, который предполагает соединение различных видов литературоведческого анализа (хронотопического, мотивного, мифопоэтического, системно-семантического) и использование элементов геопоэтического подхода.

Результаты

Орнитоморфные образы издревле являлись важным элементом различных национальных религиозно-мифологических систем и ритуалов. Птицы в сознании человечества воспринимались как божества, герои, тотемные предки. Они устойчиво связывались с небом, солнцем, пространственным верхом, неслучайно в сознании наших предков в структуре мирового древа птицы традиционно занимали вершину. Сакральная сущность орнитоморфных образов проявлялась в связи жрецов, шаманов, ведьм с птицами, людей, «особенно близких к природе, часто обладающих магической властью над нею» [20, с. 348].

Отметим также, что В. Н. Топоров и В. В. Иванов в мифологических представлениях человечества предлагают выделять образы «реально существующих видов», «фантастических» птиц (Ворон Воронович, жар-птица и пр.) и образы «существ гибридной породы» [20, с. 346] (сфинкс, грифоны, Пегас и др.). Опираясь на эту классификацию, рассмотрим орнитоморфные образы в текстах о Севере для детей. Кроме того, для нас важно, что для мифопоэтической основы регионального сверттекста особенно значима связь животного или птицы с определенным пространством (духи-покровители лесов, полей, рек, болот и пр.). Так, в произведениях для детей о Севере образы птиц актуализируют мотив богатства и разнообразия мира северной природы и в этом контексте связываются с пространством леса, либо – тундры и ее озер, либо с птичьими базарами на арктических островах, или с водной стихией – прежде всего морем и рекой.

Образы птиц, обитающих в лесах Севера, часто встречаются в произведениях для детей и юношества и выступают как художественные детали, точно характеризующие изображаемый природный мир. Так, например, в повести Г. Аксенова «Бажонный» Василек воспринимает жизнь тайболы: «Взлетали тетерева, посвистывали рябчики, белой снежной тучей поднимались на крыло с края болота куропатки, уже поменявшие свой серый цвет на белый» [1, с. 30]. Или О. С. Бундур в «Заповедном кордоне», повествуя о заповеднике, в котором словно намеренно были собраны около пятидесяти видов различных птиц, делает это в лучших традициях природоведческой литературы для детей, точно подмечая частные уникальные черты таких птиц, как «император»¹ орлан-белохвост, гага, хищная скопа, хитрый глухарь, крохаль, чайка и др. Все они призваны составить у читателя представление о северном острове Великом как о богатом и разнообразном мире, где человек – только гость.

В сборнике рассказов И. Полуянова «Певучий мостик» доминирующими звуками мира становятся голоса птиц. Разнообразие природного космоса отражено в их самобытности, передаваемой автором часто через прием первичного звукового символизма. В рассказе «Родная земля» повествователь, наблюдая за неприметной лесной птичкой славкой-черноголовкой, за тем, как она «оделяет» своих птенцов «крупницами влажной, пряно пахнущей земли», замечает, что «будущей весной еще певучей станет этот лес – ведь вместе со старыми прилетят, принесут сюда песни и молодые славки, из материнского клюва доподлинно узнавшие вкус родной земли» [22, с. 34]. Метонимический эпитет «певучий лес» указывает на устойчивую для прозы Полуянова метафору птицы-голоса мира. Она в полной мере оправдывается и в рассказе «В краю непуганых птиц», в котором автор выходит к лирическим размышлениям о поиске «края, где не ступала нога человека», пришвинского «края непуганых птиц» [22, с. 35].

Пространство тундры также видится писателям разнообразным благодаря птичьему многоголосью. Так, например, его воспринимает героиня повести Е. С. Коковина «Полярная гвоздика»: «Островная тундра была полна птиц. Куропатки

¹ Бундур О. С. Заповедный кордон. Электронный ресурс. URL: <http://bundur.ru/category/проза/> (дата обращения: 06.11.2024).

вылетели из-под копыт оленей передней упряжки. Птичий гомон царил над маленькими озерками <...>. Маленькие пичуги стригли воздух, кружили над упряжками, взмывали в небо и там, в высоте, исчезали»¹.

Особое значение для характеристики пространства тундры в произведениях о Севере для детей имеет образ лебедя. Издревле образ этой птицы сакрализуется, связываясь с космогоническим мифом о космическом яйце, мотивами метаморфозы, превращения и преображения (царевна-лебедь и пр.) и образом солнца (лебедь как зооморфное воплощение Аполлона, например) [20, с. 40–41]. Лебедь мыслится авторами северного текста для детей как редкий и прекрасный обитатель тундровых озер. На заповедном озере в Заполярье близ сопки Хальмеркамень наблюдают за лебединым семейством, а потом спасают израненного сапсаном лебедя братья Федька и Костя и их дедушка Кирилл Петрович в повести А. Коткина «Заповедное озеро». Автопсихологический рассказчик А. Мошковского из новеллы «Ночные крики лебедей» видит символом Севера этих птиц, которых до того он встречал только в зоопарке: «Издалека донеслись гортанные крики: “Кланк, кланк!” В них явственно звенел металл... Мы плыли во тьму, а лебединые крики тревожно и победно звенели над озером. Они не нарушали тишины и величия ночи, а дополняли ее, давали ей душу и значение». Крики лебедей, покидающих Север, становятся для героя символом прощания с тундрой, «с ее застенчивой и сдержанной красотой»².

Мотив видового богатства северной природы в северном тексте русской литературы для детей устойчиво сопровождает образ птичьего базара, маркирующего, как правило, островной локус. Первый создают М. Скороходов в повести «Дым над островом», А. Миронов в книге «Остров Розовых Скал», В. Фролов в повести «В двух шагах от войны», Н. Вурдов в «Робинзонах студеного острова», С. Безбородов в повести «На краю света» и др. Характеристики птичьих базаров в произведениях северного текста для детей часто энциклопедичны, авто-

¹ Коковин Е. С. Полярная гвоздика // Мы поднимаем якоря. Архангельск: Северо-западное книжное издательство, 1972. Электронный ресурс. URL: https://lib.ru/PRIKL/KOKOWKIN/polyarnaya_gvozdika.txt (дата обращения: 06.11.2024).

² Мошковский А. И. Ночные крики лебедей // Мошковский А. И. Твоя Антарктида. М.: Детская литература, 1974. Электронный ресурс. URL: <https://litlife.club/books/11142/read?page=55> (дата обращения: 06.11.2024).

ры обращают внимание на видовое разнообразие северных птиц (например, Н. Вурдов особенно подробно рассказывает о кайрах и чайках, на которых охотятся его герои [5, с. 31]). Кроме того, писатели часто используют гиперболы, пытаясь передать удивление своих персонажей многочисленностью птичьих гнездовий («Миллионы, не миллионы, но птиц здесь было столько, что от их беспорядочного мельканья кружилась голова <...>. Скалы были словно присыпаны солью и перцем <...>. Черное и белое, белое и черное. Птицы на воде, птицы в воздухе, птицы... птицы, птицы! Шум от непрерывного движения крыльев был похож на шум прибоя, а гвалт <...> стоял такой, что надо было кричать»¹). Для прозаиков птичий базар – плоть от плоти мира Севера, неслучайно при их описании часто используются характерные пейзажные ассоциации (например, герою В. Фролова птичий гвалт напоминает шум прибоя, а рассказчику из повести Н. Безбородова полет птиц – «шум ветра в сосновом лесу» [3, с. 449]).

Однако образы птиц в северном тексте русской литературы для детей могут решаться не только в документально-реалистическом, но и в мифопоэтическом ключе. Нередко последний вариант возникает в тексте, когда авторы стремятся передать национальные представления героев. Так, например, ненецкий мальчик Сохо, герой рассказа В. Бороздина «Краснозобая чудо-птица», как диво воспринимает редкую уже на Севере раненую красавицу-казарку, которая ищет у него, человека, защиты от напавшего на нее сапсана: «...И спинка, и хвост, и шея тоже сверху черные. А весь низ – чисто-чисто белый. День и ночь. А красная грудка – сразу восход и закат»². Описание птицы, данное автором, с одной стороны, реалистично, а с другой – коррелирует с образом птицы из космогонического мифа о создании вселенной, который существует в культуре многих коренных северных народов. Славянское миропонимание отражено в образе мифологической птицы Сирин в повести Ю. Коринца «В белую ночь у костра». Ее, душу Севера и мира, как великую тайну открывает Мише дедушка Пантелеймон: «Флейта запела высоко-высоко, и темнота

¹ Фролов В. Г. В двух шагах от войны. М.: Детская литература, 1986. 159 с. Электронный ресурс: URL: https://royallib.com/read/frolov_vadim/v_dvuh_shagah_ot_voyni.html#0 (дата обращения: 06.11.2024).

² Бороздин В. П. Большая Хета сердится. М.: Детская литература, 1986. Электронный ресурс: URL: https://royallib.com/read/borozdin_viktor/bolshaya_heta_serдится.html#61440 (дата обращения: 06.11.2024).

впереди зашевелилась, загораясь пламенем, обретая форму, и я увидел огромную птицу. Я увидел, как темным золотом осветилось ее курносое женское лицо, зашевелились полуопущенные крылья и ярко вспыхнула над головой золотая корона <...>. Птица Сириин!.. И в то же мгновение вся чаща запылала, как огромный костер <...>, ослепительной паутиной зажглись ветви деревьев, столбом искр взметнулись в красном воздухе золотистые мошки, и опять все потухло – остались черные ветви на фоне заката и высокий оранжево-белесый камень» [11, с. 88]. Сказка, которую на протяжении всего пути обещал рассказчику Север, сбылась в финале в образе древней волшебной птицы – «вешуньи», предсказывающей радость, в чудесном видении, в котором соединились все нити приключения героя. Эта тайна, что в книге обозначается одним из любимых дядиных слов – «этвас!» [11, с. 85] – «нечто», – так и остается до конца неразгаданной рассказчиком, тем не менее уже само прикосновение к ней открывает ребенку новые горизонты, в том числе в самом себе, обозначает важный этап в его судьбе, очерчивает грань, где заканчивается детство.

Элементы художественной условности в орнитоморфных образах могут быть мотивированы в северном тексте русской литературы для детей и жанровыми особенностями произведений. Подобный пример находим в повести-сказке В. Федорова «Летающие к Северу» 1973 года, где автор совместил точную научную информацию и фантастику. Остановимся на ней более подробно, поскольку это единственный известный нам художественный текст о Севере, где главными героями являются орнитоморфные персонажи.

В центре повествования – семья уток-гаг (мама Вперёдсмотрящая и ее пятеро утят: Большой Ляп, Тяп, Чап, Ябеда и Чип). Орнитоморфные герои очеловечены, каждый из них у Федорова обладает своим, непохожим на других характером. Они в тексте исполняют узнаваемые социальные роли взрослых и детей: гагачата ссорятся, играют, задают вопросы, познают мир; Вперёдсмотрящая несет ответственность за них, заботится, болезненно переживает гибель своих детей. Думается, автор так подробно показывает межличностные отношения персонажей, чтобы в трагические кульминационные моменты повествования вызвать у читателя острое сопереживание

им. Попутно автор сообщает читателю важные биологические и экологические факты о жизни гаг. То есть орнитоморфные образы создаются в повести В. Федорова по принципу соединения фантастики и реальности. Важно отметить, что первый компонент в основе своей имеет не волшебнo-фантастическую, а мифопоэтическую составляющую, которая проявляет себя не только в персонификации героев-птиц, но и в их взаимодействии с окружающим их природным миром Севера, который в тексте приобретает особые черты благодаря смещению точки видения с авторской на позицию героев-гаг.

В. Федоров географически точен. Действие произведения разворачивается на территории Кузакотского архипелага в Кандалакшском заливе Белого моря. Видимо, на одном из его островов мать-гага и построила «сухое, теплое гнездо» [28, с. 80]. Образ островного леса открывает пространственную картину мира Севера в повести. Он представлен более частным растительным кодом и традиционным для северного текста русской литературы для детей мотивом пути: пространство леса должны преодолеть птенцы, чтобы оказаться в по-настоящему своей стихии – море. Оно у В. Федорова тесно связано с комплексом устойчивых мотивов – жизни, богатства и красоты. Оно спасает гагачат, его литораль поражает богатством, биоразнообразием, дает птенцам пищу и силы для роста и жизни. Оказавшись на вершине одной из Горбатых луд, гаги у В. Федорова видят красивую морскую панораму, которая восхищает их [28, с. 145]. Слова Впередсмотрящей, резюмирующие описание, вполне отражают и авторское художественное восприятие: «На море можно смотреть очень долго, ведь оно всегда разное... и всегда красивое если не бывает страшным» [28, с. 145].

Еще один признак моря в повести – его одушевленность. Действительно, оно у В. Федорова воплощает некую живую и жизнь дающую стихию: оно «шепчет» Горбатым лудам «об успокоении» [28, с. 154]; говорит своими особыми голосами (старый Олле, брат Впередсмотрящей, который в финале ведет свою стаю на зимовку, «ловит шорохи бегущих волн и привычные с детства голоса моря, доносившиеся из глубин – низкие, глуховатые и долгие. Старый Олле верил, что это поют рыбы», море «тяжело вздыхает» [28, с. 166].

Мифопоэтический характер образа моря в повести создается также с помощью мотивов вечности и пути. Олле ощущает море как древнюю, вечную, вневременную стихию, первостихию: «Тысячи лет назад было море таким же, как застал его Олле, и через тысячи лет после него останется оно таким» [28, с. 167]. Свою жизнь и жизнь своих сородичей, а, возможно, и других существ гагун соизмеряет с вечным морем, единение с которым позволяет герою инстинктивно ощутить себя частью мудрого и вечного круговорота жизни.

Сама частная жизнь гаг тоже подчинена этому круговороту, что подчеркивает автор, вводя в текст мотив пути. Море, что типично для северного текста русской литературы для детей, становится для героев-птиц В. Федорова своеобразной дорогой (в конце июля Впередсмотрящая начинает приучать птенцов к «кочевой жизни» [28, с. 122] на море). Однако не только море для орнитоморфных героев В. Федорова становится дорогой, но и небо. Эти образы объединяют мотивы вечности и пути. Небо, как и море, Олле ощущает первостихией. Гагун в ночь перед отлетом осознает, что его время проходит, «а море и небо остались такими же, как в те далекие дни» [28, с. 166]. Только по небу героям возможно достичь далеких берегов Мурмана, где «соберутся гаги со всего Белого моря и даже с Новой Земли» [28, с. 168]. Движение орнитоморфных героев циклично, оно повторяется из года в год и подчинено, по В. Федорову, не просто инстинкту, но чувству долга. Автор наделяет природу Севера сакральным разумом, который мудро выстраивает жизнь вокруг: старый Олле, «выполняя свой долг» [28, с. 167], ведет каждый год стаи на север и обратно; повинувшись священному материнскому долгу, Впередсмотрящая каждый год приносит миру птенцов, заботится о них, страдает за них... Гаги, по В. Федорову, как и другие живые существа, выполняют свою, часто не осознаваемую миссию спасения и продолжения жизни. То, что в начале повествования казалось сказкой или рассказом о жизни одной семьи северных уток, в финале оказывается притчей о жизни вообще, о долге как силе, которая заставляет живое существо идти по своему трудному пути.

Орнитоморфные образы в повести В. Федорова раскрываются и через призму художественного времени. Время действия повести – время взросления гагачат с момента появ-

ления на свет (1 глава «Рождение Чипа») до отлета на Север, с весны до осени. Автор очень точен во временных характеристиках различных этапов онтогенеза орнитоморфных героев. Для них самих важными временными этапами года являются две линьки, которые во многом определяют особенности их жизни, так как во время первой полной смены оперения птицы теряют способность летать и становятся беззащитными.

Кроме биологических критериев, связанных с жизнью орнитоморфных героев, художественное время в повести характеризуется климатической спецификой северного лета. В связи с этим особое значение приобретает образ солнца. В начале повести он связан с образом белых июньских ночей, сентябрьское солнце в финале книги, взаимодействуя в смысловом отношении с образами моря и неба, как и они, приобретает мифопоэтические характеристики: «На востоке появилась оранжевая полоска света. Она постепенно росла, ширилась, и предрассветные короткие сумерки казались лиловой шалью, наброшенной на плечи сентябрьского утра. Но вот показалось солнце из-за горизонта, совсем крохотных кусочек солнца, и неудержимый поток света, переливаясь через край горизонта, хлынул и затопил пространство над морем. В тот же миг небо блеснуло голубизной, и наступило утро» [28, с. 169]. Эта пейзажная зарисовка не только фиксирует пробуждение дня, когда гаги должны отправиться в трудный перелет на Крайний Север, но и утверждает единство мира. Ведь сам солнечный свет похож на воду («поток света», «переливаясь», «хлынул», «затопил»), которая разливается над морем; создается ощущение, что небо, рассвет и море слиты воедино. Являясь пространственно-временным элементом пейзажа, образ солнца включается в циклический мифологический хронотоп, актуализирует особенности геопоэтики повести, связанные с возникающим в финале текста мотивом вечного движения жизни.

Мотивы единства мира и пути возникают в финале и в диалоге орнитоморфных героев и родной для них земли. С их стороны это просьба быть добрее «к детям» и заверение о прощении за ее жестокость, о памяти о ней. Голос северных островов, просящий прощение у птиц за «несчастья, которые были на их берегах» [28, с. 170], и желающий счастья в пути, словно примиряет автора и героев с самой жизнью, миром,

который несмотря на потери, трудности и боль, все-таки устроен прекрасно и мудро.

Среди орнитоморфных образов, связанных с гидронимами, особое место в северном тексте русской литературы для детей занимает также образ чайки. Он становится частотной художественной деталью морских и речных пейзажей в разных произведениях: в повести Н. Жернакова «Поморские ветры» («Погляжу вверх по Двине: простор!.. Чайки сумяжутся-толкуются над водой» [10, с. 13]); в романе Н. Аурова «Под полуночным солнцем» («Когда солнце <...> задремало, <...> обессиленный ветер <...> улегся прямо на волнах; задремали и остановились облака в небе, задремали чайки на воде...» [2]) и др.

Интересно, что чайка в восприятии русских детских писателей разных поколений так или иначе соотносится с образом человека. Так, в повести В. Пикуля «Мальчики с бантиками» встречаем пример взаимосвязи внешнего и психологического пространства, созданный автором с помощью образа чайки. Писатель сопоставляет главного героя, боящегося воды, и птенцов чаек: «Савка с берега наблюдал, как птенцы чаек, едва вылупившись из яйца, уже плавали в море. Это они умели от рождения. Но зато от рождения им не дано умение летать <...>. Савка вдруг спросил себя: – А разве человек от рождения не создан для воды?»¹. Пример, поданный природой, вселяет уверенность в героя, помогает преодолеть страх.

Новые горизонты наблюдение за северными чайками открывает и перед героем повести М. Скороходова «Дым над островом» Сергеем. В пейзажной зарисовке в конце 3 главы произведения он на полярном необитаемом острове видит редких розовых чаек: «Зрелище было необычайное. Легкие, как лепестки, нежно-розовые птицы время от времени прерывали плавный бесшумный полет, стремительно падали вниз и, не касаясь воды, снова взмывали вверх. Их мягкие грудные крики удивительно гармонировали с розовым оперением и неповторимо изящными очертаниями тела <...>. Рождалось впечатление чего-то нереального <...>. Неспроста Нансен, впервые увидев розовых чаек, забыл все тяготы ледяного плена, невероятные трудности пути по бескрайним просторам океана

¹ Пикуль В. С. Мальчики с бантиками // Пикуль В. Баязет. М.: Голос, 1996. Электронный ресурс. URL: <https://militera.lib.ru/prose/russian/pikul9/index.html> (дата обращения: 10.10.2024).

и назвал себя счастливейшим человеком в мире» [25, с. 116]. В этом эпизоде возникает такое несвойственное поначалу для взгляда сурового охотника Сергея двоимирие. Это момент, который даруется лишь избранным художникам, мгновение полного слияния с миром, прикосновения к таинственной сути жизни, дар, который дается в результате большой и нелегкой внутренней работы. По сути, развязкой внутреннего сюжета (обретение героем себя-настоящего через преодоление преград) и должен считаться этот эпизод.

Кроме того, чайка в произведениях о Севере для детей зачастую связывается с образом обновления и пробуждения природы весной. Так, В. Пикуль в повести «Мальчики с бантиками» открывает 4 часть пейзажным описанием весенней Секирной горы, на которую с Мурмана прилетает первая «чайка-вестница» весны¹. Возвращение на архипелаг чаек – природный процесс, который в книге приобретает мифопоэтический подтекст, связываясь с мотивом цикличности, вечной повторяемости жизни.

Обсуждение и выводы

Орнитоморфные образы нередко привлекают внимание современных исследователей (вспомним, например, коллективную монографию «Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке», 2019). Можно назвать целый ряд работ лингвистов, в которых образ птицы рассматривается в контексте изучения различных языковых единиц и феноменов. Например, исследователей интересует место концепта «птица» в структуре функционально-семантических и ассоциативных полей (Э. В. Пугачева, «Ассоциативные поля образа птицы в поэзии А. Ахматовой», 2010). Кроме того, в лингвистическом аспекте часто рассматривается образ птицы как элемент поэтики (И. В. Янушевич, «Птицы: символ, метафора, метаморфоза», 2019) и единица номинативной языковой системы (А. В. Алексеев, «Соотношение номинации и коннотации в синхронии и диахронии (на материале названий врановых)», 2019 и пр.)

В целом ряде работ рассматривается мифопоэтическая сущность образа птицы в различных литературных и культур-

¹ Пикуль В. С. Мальчики с бантиками // Пикуль В. Баязет. М.: Голос, 1996. Электронный ресурс. URL: <https://militera.lib.ru/prose/russian/pikul9/index.html> (дата обращения: 10.10.2024).

ных контекстах. Стоит вспомнить исследования К. А. Максимо-вича «Птица феникс в древнерусской литературе (к интерпретации образа)» (1992), К. Н. Дубровиной и М. В. Кутьевой «Образ птицы: от Библии к художественному тексту» (2009) и др.

Зачастую мифопоэтическое начало орнитоморфных образов становится ведущим при анализе художественных миров конкретных произведений или авторских творческих систем (К. А. Чеснокова, «Образы птиц и их символика в произведениях М. Достоевского», 2023 и др.).

Несмотря на то, что образы птиц нередко становятся предметом изучения в современной филологической науке, мы не обнаружили системных исследований, в которых бы рассматривался орнитоморфный код в северном тексте русской литературы, адресованной взрослому читателю или читателю-ребенку. Это свидетельствует о перспективности научного осмысления рассматриваемой в статье темы.

Таким образом, орнитоморфный код в северном тексте русской литературы для детей совмещает конкретно-исторические и мифопоэтические черты жизни природы и человека на Севере. С одной стороны, птицы выступают как представители чуждого мира, где являются хозяевами, как душа природы, с другой, отношения «птица – человек» в северном тексте русской литературы для детей часто выстраиваются по принципу антиномии, а не антитезы, то есть авторы указывают на связь орнитоморфного персонажа и человека, что, возможно, объясняется в том числе и древними представлениями о птице-покровителе рода, своеобразно воплощенными в образной структуре произведений для детей о Севере.

В художественном сознании авторов северного текста русской литературы для детей орнитоморфные образы тесно соотносятся с тем или иным топосом: северным лесом (тетерев, рябчик, славка-черноголовка, дрозд, трясогузка и др.), тундрой и ее озерами (куропатка, казарка, лебедь, сапсан и др.), образом арктического острова с птичьими базарами (кайра, люрик, поморник, чистик и др.) и взаимосвязанным с ним северным морем (гага, чайка, кайра) и рекой (чайка).

Особое место в структуре художественного мира северного текста русской литературы занимают орнитоморфные образы, сочетающие реалистический и фантастический элементы в сво-

ей художественной природе. Они, с одной стороны, отражают национальные мифопоэтические представления и выступают как символические воплощения души Севера (образ краснозобой казарки у В. Бороздина или птицы Сирий у Ю. Коринца), а с другой – актуализируют индивидуально-авторские представления о сути жизни на Севере, о законах и закономерностях ее вечного круговорота на этой земле (В. Федоров, «Летающие к Северу»; А. Мошковский, «Ночные крики лебедей»).

Орнитоморфные образы в рассмотренном корпусе текстов не только актуализируют мотивы богатства, разнообразия и красоты мира северной природы, но и маркируют разные виды художественного пространства в северном тексте русской литературы для детей: обобщенное (тундра, полярный остров, Арктика, лес, море) и конкретное (например, окрестности Хольгеркамня в повести А. Коткова «Заповедное озеро» или Соловки в повести В. Пикуля «Мальчики с бантиками»), внешнее и психологическое, реальное и мифопоэтическое.

Список литературы

1. Аксенов Г. П. Бажонный. – Северодвинск: Северная неделя, 1995. – 98 с.
2. Аулов Н. П. Под полугодным солнцем // Избранное / сост. Л. Е. Каршина, Е. Ш. Галимова. – Архангельск: АОНБ им. Н. А. Добролюбова, Правда Севера, 2014. – С. 20–347.
3. Безбородов С. К. На краю света. – М.: Белая ворона, 2020. – 512 с.
4. Бурцева Ж. В. Формирование локального Северного текста в литературе Якутии: структура и культурным код // Новый филологический вестник. – 2021. – № 2 (57). – С. 53–66. EDN: TQLFUQ
5. Вурдов Н. А. Робинзоны студеного острова. – Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1978. – 106 с.
6. Гаврилина Л. М. Архитектоника локального сверхтекста культуры // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – 2016. – № 3. – С. 104–111. EDN: XBFDON
7. Гаврилина Л. М. Локальные сверхтексты как форма осмысления регионального многообразия российской культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2018. – № 2 (82). – С. 43–50. EDN: XVFKRV.
8. Галимова Е. Ш. Северный текст русской литературы: методология исследования // Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера / сост., отв. ред. Е. Ш. Галимова, А. Г. Лошаков. – Архангельск: ИМИДЖ-ПРЕСС, 2017. – Т. 1. – С. 9–26. EDN: URWWBC
9. Галимова Е. Ш. Специфика северного текста русской литературы как локального сверхтекста // Вестник Северного (Арктического) гуманитарного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2012. – № 1. – С. 121–129. EDN: PFSBOV.
10. Жернаков Н. К. Поморские ветры. – Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1964. – С. 7–108.
11. Коринец Ю. В белую ночь у костра. – М.: Детская литература, 1973. – 48 с.
12. Курьянов С. О., Иванова Н. П., Курьянова В. В. Актуальные вопросы теории сверхтекста: литературоведческий аспект. Ассоциативно-смысловой сверхтекст // Litera. – 2022. – № 11. – С. 124–136. EDN: QWEDLH

13. Ларкович Д. В. Локальные сверхтексты на литературной карте России // Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания. Вестник XXVI Международная научно-практическая конференция. – Будапешт, 2021. – С. 63–69. EDN: IEAODH
14. Ларкович Д. В. «Югорский текст» как литературная реальность: к постановке проблемы // Вестник угроведения. – 2019. – Т. 9. – № 1. – С. 40–52. EDN: ZIIPAL
15. Лошаков А. Г. Сверхтекст и Северный текст русской литературы // Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера / сост., отв. ред. Е. Ш. Галимова, А. Г. Лошаков. – Архангельск: ИМИДЖ-ПРЕСС, 2017. – Т. 1. – С. 26–57. EDN: XPYUDB
16. Лошаков А. Г. Сверхтекст: проблема целостности, принципы моделирования // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 66 – С. 100–109. EDN: JYUXAR
17. Люсьи А. П. Московский текст: текстологическая концепция русской культуры. – М.: Вече, Русский импульс, 2013. – 317 с.
18. Матонин В. Н. Образы «движения» и «цели» в Северном тексте русской культуры // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013. – № 6. – С. 221–223. EDN: SCVSKP
19. Митрофанова А. А. Интертекст Северного текста // Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика: сб. научных статей. Серия: Поморские чтения по семиотике культуры. – Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, 2011. – С. 412–421. EDN: YLUXTH
20. Мифы народов мира / под ред. С. А. Токарева. В 2-х тт. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – Т. 2. К – Я. – 719 с.
21. Петров А. В. Топонимы как выразительное средство в Северном тексте // Филологическая регионалистика. – 2010. – № 1–2 (3–4). – С. 48–53.
22. Полюянов И. Д. Певучий мостик. – М.: Детская литература, 1966. – 142 с.
23. Поспелова О. В. Образ «полуночного солнца» в произведениях о Русском Севере А. Ремизова, М. Пришвина, Е. Замятина // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2017. – № 2. – С. 131–136. EDN: YKORXV
24. Приходченко И. О. Локальный текст провинциальной литературы: к вопросу об определении понятия и истории изучения // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2023. – Т. 17. – № 1. – С. 30–42.
25. Скороходов М. Е. Дым над островом // Скороходов М. Северные робинзоны. Приключенческие повести. – Архангельск: Северо-Западное книжное изд-во, 1965. – С. 77–121.
26. Старыгина Н. Н. Система локальных сверхтекстов русской литературы // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2017. – № 3–2 (95). – С. 129–136. EDN: YLQRPPT
27. Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. – 2002. – № 1. – С. 28–35. EDN: YBSLLF
28. Федоров В. Д. Летящие к Северу. – М.: Детская литература, 1979. – С. 76–171.

Alyona Davydova

Ornithomorphic Images as an Element of the Artistic Picture of the World in the Works of the Northern Text of Russian Literature for Children

The article for the first time systematically examines ornithomorphic images in the works of the Northern text of Russian literature for children. The purpose of the work is to determine the place and significance of ornithomorphic images in the structure of the artistic picture of the world of works for children about the North. The objectives of the study are to study the semantic and poetic characteristics of bird images, determining their rela-

tionships with other elements of the artistic world of the Northern text of Russian literature for children, presentation of the experience of typology of ornithomorphic images based on the analysis of texts by G. P. Aksyonov, N. P. Aurova, S. K. Bezborodova, V. P. Borozdin, O. S. Bundura, N. A. Vurdova, N. K. Zhernakova, E.S. Kokovina, Yu. I. Korinets, A. I. Moshkovsky, I. D. Poluyanov, V. S. Pikulya, M. E. Skorokhodova, V. D. Fedorov, V. G. Frolova. The author, when analyzing samples of works functioning on the border of the Northern and children's texts, combines elements of methods of chronotopic, motivational, mythopoetic, system-semantic analysis, which meets the original nature of the local supertext. During the study, a number of conclusions were made. Ornithomorphic code occupies an important place in the artistic picture of the world of the Northern text of Russian literature for children. The images of birds often have a mythopoetic nature in their works, which is closely connected not only with the archetypal basis, but also with a certain space. In the considered corpus of texts on the geopoietic principle, one can distinguish images of birds associated with the forest space, the tundra and its lakes, bird markets on the Arctic islands and the water element – the sea and the river. In addition, ornithomorphic images actualize the motives of the wealth, biodiversity and beauty of the natural world of the North.

Key words: Northern text, children's literature, ornithomorphic images, artistic picture of the world.

For citation: Davydova, A. V. (2025) Ornitomorfnye obrazy kak element hudozhestvennoj kartiny mira v proizvedeniyah severnogo teksta russkoj literatury dlya detej [Ornithomorphic Images as an Element of the Artistic Picture of the World in the Works of the Northern Text of Russian Literature for Children]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 1. Pp. 62–83. DOI: 10.35231/25419803_2025_1_62. EDN: SUOKCG

References

1. Aksyoov, G. P. (1995) *Bazhonyj* [Bazhony]. Severodvinsk: Severnaya nedelya Publ. (In Russian).
2. Aurov, N. P. (2014) Pod polunochnym solncem [Under the Midnight Sun]. *Izbrannoe* [Favourites]. Arhangel'sk: AONB im. N. A. Dobrolyubova, Pravda Severa Publ. Pp. 20–347. (In Russian).
3. Bezborodov, S. K. (2020) *Na krayu sveta* [At the edge of the world]. Moscow: Belaya vorona Publ. (In Russian).
4. Burceva, ZH. V. (2021) Formirovanie lokal'nogo Severnogo teksta v literature Yakutii: struktura i kul'turnym kod [Formation of the local Northern text in the literature of Yakutia: structure and cultural code]. *Novyj filologicheskij vestnik – New philological bulletin*. No. 2 (57). Pp. 53–66. (In Russian). EDN: TQLFUQ
5. Vurdov, N. A. (1978) *Robinzony studynogo ostrova* [Robinsons of Cold Island]. Arhangel'sk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian).
6. Gavrilina, L. M. (2016) Arhitektonika lokal'nogo sverhteksta kul'tury [Architectonics of the local supertext of culture]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya – Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy*. No. 3. Pp. 104–111. (In Russian). EDN: XBFDON
7. Gavrilina, L. M. (2018) Lokal'nye sverhteksty kak forma osmysleniya regional'nogo mnogoobraziya rossijskoj kul'tury [Local supertexts as a form of understanding the regional diversity of Russian culture]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstvo – Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. No. 2 (82). Pp. 43–50. (In Russian.). ENN: XVFKRV
8. Galimova, E. Sh. (2017) Severnyj tekst russkoj literatury: metodologija issledovanija [Northern text of Russian literature: research methodology]. *Severnyj tekst kak logosnaja forma bytija Russkogo Severa* [Northern text as a logos form of being of the Russian North]. Vol. 1. Arhangel'sk: IMIDZH-PRESS Publ. Pp. 9–26. (In Russian). EDN: URWWBC
9. Galimova, E. Sh. (2012) Specifika Severnogo teksta russkoj literatury kak lokal'nogo sverhteksta [Specifics of the Northern text of Russian literature as a local supertext]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki – Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*. No. 1. Pp. 121–129. EDN: PFSBOB

10. Zhernakov, N. K. (1964) *Pomorskie vetry* [Pomor's winds]. Arhangel'sk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo. Pp. 7–108. (In Russian).

11. Korinets, Yu. I. (1973) *V beluyu noch' u kostra* [On a white night by the fire]. Moscow: Children's literature Publ. (In Russian).

12. Kur'yanov, S. O., Ivanova, N. P., Kur'yanova, V. V. (2022) Aktual'nye voprosy teorii sverhteksta: literaturovedcheskij aspekt. Associativno-smyslovoj sverhtekst [Topical issues of the theory of supertext: literary aspect. Associative-semantic supertext]. *Litera – Litera*. No. 11. Pp. 124–136. (In Russian). EDN: QWEDLH

13. Larkovich, D. V. (2021) Lokal'nye sverhteksty na literaturnoj karte Rossii [Local supertexts on the literary map of Russia]. *Sovremennyj russkij yazyk: funkcionirovanie i problemy prepodavaniya*. *Vestnik*. XXVI Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya [Modern Russian: functioning and problems of teaching. Herald. XXVI International Scientific and Practical Conference]. Budapest. Pp. 63–69. (In Russian). EDN: IEAODH

14. Larkovich, D. V. (2019) "YUgorskij tekst" kak literaturnaya real'nost': k postanovke problemy ["Ugra text" as a literary reality: to solve the problem]. *Vestnik ugrovedeniya – Bulletin of Ugric studies*. Vol. 9. No. 1. Pp. 40–52. (In Russian). EDN: ZIIJAL

15. Loshakov, A. G. (2017) Sverhtekst i Severnyj tekst russkoj literatury [Supertext and The Northern text of Russian literature]. *Severnyj tekst kak logosnaya forma bytija Russkogo Severa* [Northern text as a logos form of being of the Russian North]. Vol. 1. Arkhangel'sk: IMAGE-PRESS Publ. Pp. 26–57. (In Russian). EDN: XPYUDB

16. Loshakov, A. G. (2008) Sverhtekst: problema celostnosti, principy modelirovaniya [Supertext: integrity problem, modeling principles.]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena – News of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen*. No. 66. Pp. 100–109. (In Russian). EDN: JVYXAR

17. Lyusy, A. P. (2013) *Moskovskij tekst: tekstologicheskaya koncepciya russkoj kul'tury* [Moscow text: textual concept of Russian culture]. Moscow: Veche Publ., Russkij impul's Publ. (In Russian).

18. Matonin, V. N. (2013) Obrazy "dvizheniya»" i "celi" v Severnom tekste russkoj kul'tury [Images of "movement" and "goals" in the Northern text of Russian culture]. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl' – Historical and socio-educational thought*. No. 6. Pp. 221–223. (In Russian). EDN: SCVSKP

19. Mitrofanova, A. A. (2011) Intertekst Severnogo teksta [Intertext of the Northern Text]. *Geokul'turnoe prostranstvo Evropejskogo Severa: genezis, struktura, semantika*. Ser. "Pomorskie chteniya po semiotike kul'tury" [Geocultural space of the European North: genesis, structure, semantics. Ser. "Pomeranian readings on the semiotics of culture"]. Arhangel'sk: Severnyj (Arkticheskij) federal'nyj universitet im. M. V. Lomonosova Publ. Pp. 412–421. (In Russian). EDN: YLUXTH

20. Tokarev, S. A. (1988) (ed.) *Mify narodov mira* [Myths of the peoples of the world]. Vol. 2. K – Ja. Moscow: Sovetskaya enciklopediya Publ. (In Russian).

21. Petrov, A. V. (2010) Toponimy kak vyrazitel'noe sredstvo v Severnom tekste [Toponyms as an expressive medium in the Northern text]. *Filologicheskaya regionalistika – Philological regionalism*. No. 1–2 (3–4). Pp. 48–53. (In Russian).

22. Poluyanov, I. D. (1966) *Pevuchij mostik* [Singing bridge]. Moscow: Detskaya literatura Publ. (In Russian).

23. Pospelova, O. V. (2017) Obraz "polunoshchnogo solnca" v proizvedeniyah o Russkom Severe A. Remizova, M. Prishvina, E. Zamyatina [The image of the "midnight sun" in the works about the Russian North by A. Remizov, M. Prishvin, E. Zamyatin]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki – Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*. No. 2. Pp. 131–136. (In Russian). EDN: YKORXV

24. Prihodchenko, I. O. (2023) Lokal'nyj tekst provincial'noj literatury: k voprosu ob opredelenii ponyatiya i istorii izucheniya [Local text of provincial literature: on the definition of the concept and history of study]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya – Science of man: humanitarian research*. Vol. 17. No. 1. Pp. 30–42. (In Russian).

25. Skorohodov, M. E. (1965) *Severnyye robinzony. Priklyuchencheskie povesti* [Northern Robinsons. Adventure stories]. Arhangel'sk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo (In Russian).

26. Starygina, N. N. (2017) Sistema lokal'nyh sverhtekstov russkoj literatury [System of local supertexts of Russian literature]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. YA. Yakovleva – Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev*. No. 3–2 (95). Pp. 129–136. (In Russian). EDN: YLQPPT

27. Туупа, В. И. (2002) Mifologema Sibiri: k voprosu o “Sibirskom tekste” russkoj literatury [Mythology of Siberia: to the question of the “Siberian Text” of Russian literature]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal – Siberian Philological Journal*. No. 1. Pp. 28–35. (In Russian). EDN: YBSLLF

28. Fyodorov, V. D. (1979) *Letyashchie k Severu* [Flying to the North]. Moscow: Detskaya literatura Publ. Pp. 76–171. (In Russian).

Об авторе

Давыдова Алена Владимировна, доцент Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, кандидат филологических наук (г. Архангельск, Российская Федерация); e-mail: a.davidova@narfu.ru; ORCID ID: 0000-0003-1702-0019

About the Author

Alyona Davydova, Associate Professor, Higher School of Social and Humanities and International Communication, Northern (Arctic) Federal University n. a. M. V. Lomonosov PhD in Philology (Arkhangelsk, Russian Federation); e-mail: a.davidova@narfu.ru; ORCID ID: 0000-0003-1702-0019

дата получения: 12.01.2025 г.

дата принятия: 30.01.2025 г.

дата публикации: 27.03.2025 г.

date of receiving: 12 January 2025

date of acceptance: 30 January 2025

date of publication: 27 March 2025